

Прошло почти двадцать дней с тех пор, как Чжан Хэн вошел в этот раунд. Он бросил вызов многим додзё, увидел и изучил многие техники. Теперь он мог легко переключаться между техниками владения мечом в зависимости от обстоятельств. Однако в самые опасные моменты жизни он все равно предпочитал полагаться на свои инстинкты.

В данном случае инстинктом Чжан Хэна было мастерство фехтования, которое он оттачивал во время раунда Черные Паруса в бесчисленных кровавых битвах в течение десяти лет своей пиратской жизни. А так называемое Энни-рю было на самом деле техникой фехтования, которая не принадлежала ни к одной школе кендзюцу, эта техника полагалась исключительно на боевые инстинкты и опыт.

После того, как меч в его руке сломался, Чжан Хэн взял на себя инициативу, чтобы приблизиться к Хандзиро Накамура, надеясь сократить расстояние между ними. Таким образом битва перешла на более опасный уровень, подвергая испытанию скорость реакции обеих сторон.

Если говорить о скорости реакции, то она была сильной стороной Чжан Хэна, поскольку он пережил намного больше сражений, чем хитокири Хандзиро Накамура, и никто не мог превзойти его в умении владеть мечом и ловить мимолетные возможности в хаосе битвы, что также можно было считать самым большим преимуществом Чжан Хэна. Хандзиро Накамура был на пятнадцать лет старше Чжан Хэна, и его искусство владения мечом и сила, возможно, были не хуже, чем у Чжан Хэна, однако с возрастом его скорость реакции существенно снизилась.

Но в этот момент, в ситуации между жизнью и смертью, Хандзиро Накамура сохранял спокойствие, поскольку он не мог защищаться, то перестал это делать, и снова перешел в наступление, атакуя с мыслью, что таким образом он спасет свою жизнь. Одновременно с этим он начал сознательно искать возможности для борьбы, играя на сильных сторонах своего меча Дзюдзумару, терпеливо ожидая момента, чтобы снова увеличить дистанцию.

Оба мужчины пытались играть на своих сильных сторонах, одновременно выискивая слабые места друг в друге.

Хандзиро Накамура был, пожалуй, самым сильным мастером меча, с которым Чжан Хэн до сих пор сталкивался в этом раунде, поэтому эта была битва, от которой он получал наибольшее удовольствие.

На данный момент ни один из них не мог получить никакого преимущества, насколько это было заметно.

Но время шло, Чжан Хэн все больше и больше принаравливался к приемам Хандзиро Накамуры: к привычке наносить удары и к его тактике ведения боя, все это уже не представляло секрета для Чжан Хэна. С другой стороны, Хандзиро Накамура только-только начал адаптироваться к технике Нитэн Ити-рю Чжан Хэна, как в мгновение ока последний перешел на новый стиль боя. И на этот раз его мастерство стало еще более неуловимым, и

даже вышло за рамки традиционного японского фехтования, повергая Хандзиро Накамуру в растерянность.

В это время Чжан Хэн, наконец, провел контратаку. Меч в его правой руке вошел в контакт с Дзюдзумару, блокируя рубящий удар Хандзиро Накамуры. Тем временем, его вакидзаси в левой руке устремился в нижнюю часть ребер Хандзиро Накамуры.

Последний осознал опасность и вместо того, чтобы продолжать атаковать Чжан Хэна, он решительно отступил назад и нанес косой удар по левому запястью Чжан Хэна, пытаясь атаковать, чтобы спасти свою жизнь. Однако в процессе он почувствовал, что было что-то не так. Удар вакидзаси Чжан Хэна по нижней части ребер был всего лишь ложным движением, как будто он, уже давно предугадав, как он отреагирует, лишь ждал удобный момент, чтобы ударить мечом в правой руке.

Хандзиро Накамура отступил, как только нанес удар, но все равно опоздал на мгновение.

В конце концов, они снова разошлись, однако правая рука Хандзиро Накамуры была в крови, а на земле лежали два отрубленных пальца.

Стратегия Чжан Хэна заключалась в том, чтобы через короткие промежутки времени изменять стиль ведения боя, запугивая Хандзиро Накамуру, так как последний не мог быстро адаптироваться к этому. И в то же время он намеренно заманивал Хандзиро Накамуру вернуться к его первоначально агрессивному стилю боя, что в итоге и принесло свои плоды.

Хандзиро Накамура больше не мог держать Дзюдзумару правой рукой, на которой осталось всего три пальца, поэтому он был вынужден переложить меч в левую руку.

Его левая рука, конечно, была не так хороша, как правая, и, хотя он без проблем мог бы справляться с обычными противниками, но в битве мастеров, подобной той, что сейчас происходила, это было равносильно поражению.

Глядя на отрубленные пальцы, лежащие на земле, у Хандзиро Накамуры, наконец-то, появилось хоть какое-то выражение на лице.

Однако это выражение было не отчаянием и не страхом, а скорее облегчением.

Он вдруг заговорил низким голосом: «Сегодня я наконец-то могу отплатить своему господину Сайго Такамори за его доброту. Но, к сожалению, ... новой эры, которую он мне обещал, я не увижу». После этого он снова поднял свой Дзюдзумару и, кивнув Чжан Хэну, проговорил: «Давай, уж лучше умереть от твоих рук, чем от рук какого-нибудь глупца».

«Как вам будет угодно». Чжан Хэн не был вежлив в своих словах и снова сжал пару мечей в своих руках.

.....

Окита Содзи сразу понял, что его обманули, как только приподнял занавеску на паланкине. Однако он не стал слишком волноваться: здоровье Синсаку Такасуги было настолько плохим, что он, скорее всего, не мог идти самостоятельно, и именно поэтому группа решила рассекретить его присутствие, используя паланкин. Кроме того, сейчас защищать Синсаку Такасуги остался только один самурай, а это значит, что последнему пришлось нести его на своей спине, поэтому он не мог идти быстро.

Окита Содзи вспомнил о развилке дороги, которая встретила его на пути. Он развернулся и поспешил назад, и вскоре сделал открытие. На одном из перекрестков он увидел лужу свежей крови, которая, похоже, и была косвенным доказательством того, что Синсаку Такасуги находился в тяжелом положении.

Окита Содзи не стал медлить и сразу же пошел по кровавому следу.

Он уже покинул Гион, а неподалеку от него находилась резиденция клана Айдзу, принадлежащего сёгунату, так что вряд ли Синсаку Такасуги стал бы просить их о помощи. Однако на другой стороне улицы стоял дом, принадлежавший клану Хиросима. Многие в клане Хиросима были довольно близки со сторонниками императора.

Хотя отряд Шинсенгуми не был достаточно влиятелен в Киото, чтобы проникнуть в дом, принадлежащий клану Хиросима, однако Окита Содзи вовсе не собирался позволять Синсаку Такасуги уйти от наказания, поэтому он решил забраться на стену, чтобы проникнуть в дом.

Как только он приземлился, на него обрушился меч, но он был готов к подлому нападению и заблокировал его.

Лунный свет также позволил ему увидеть лицо своего противника. Это был молодой самурай примерно одного с ним возраста, последний самурай, который сопровождал Синсаку Такасуги. Видя, что подлая атака не удалась, противник не сдался и продолжал атаковать, пытаясь обратить ситуацию в свою пользу.

По справедливости нужно сказать, что его мастерство владения мечом было неплохим для его поколения, но оно не шло ни в какое сравнение с мастерством такого одаренного человека, как Окита Содзи. Если бы последний находился на пике своего физического состояния, он мог бы победить его менее чем за десять приемов, но сейчас он израсходовал слишком много сил, да к тому же его тело было покрыто ранами.

Окита Содзи потребовались некоторые усилия, чтобы выиграть бой, и ему пришлось использовать свой лучший удар из позиции Сэйган-но-камаэ, чтобы наконец-то вонзить клинок в горло своего противника, и когда кровь хлынула изо рта молодого самурая, он наконец-то почувствовал себя немного уставшим.

Но на сегодня битва была окончена, и ему оставалось только найти спрятавшегося в доме Синсаку Такасуги и ударить его клинком в грудь, чтобы превратить его фальшивую смерть в настоящую.

Вообще-то Окида Содзи не очень любил убивать, просто в эту эпоху каждый человек был вынужден делать трудный выбор.

Он был довольно ленивым человеком и был близок с Кондо Исами, командиром отряда Шинсенгуми. Окида Содзи последовал за Кондо Исами из родного города в Киото, где последний хотел достичь чего-то великого, в итоге присоединившись к сёгунату. Поэтому вполне естественно, что он последовал его примеру и стал тем, кого фракция, поддерживающая императора, называла собаками сёгуната.

Но в последнее время мысли Окида Содзи были далеки от его работы.

После того, как он разобрался со своим последним врагом, его мысли устремились в другое место.

Это действительно проблематично ... Как я смогу снова увидеть госпожу Саяку?

Окида Содзи уже некоторое время беспокоил этот вопрос. При первой встрече они мило поболтали, но он забыл спросить ее, где она живет, и после этого у него было с ней еще несколько "случайных" встреч, но он не мог набраться смелости и подойти, а лишь осмеливался смотреть на нее издалека.

Он также пошел посоветоваться с самым сообразительным членом отряда Шинсенгуми, Хидзикатой. Тот сказал ему: "Будь смелым! Просто пойди и сделай предложение о браке ее отцу. То, что хочет она, совсем не важно".

Окида Содзи неоднократно хватался за уши и чесал щеки*, слушая слова Хидзикаты. И хотя он не знал, что плохого в этой идее, ему всегда было как-то не по себе, возможно, потому что он подсознательно чувствовал, что не хочет, чтобы госпожа Саяка ненавидела его.

В следующий момент он услышал звук упавшего на землю ведра.

Были ли ... здесь еще враги?

Окида Содзи резко обернулся, крепко сжимая свою катану, и тут он увидел ту, о ком грезил все последнее время.

Только на этот раз на ее лице больше не было невинной, исцеляющей улыбки, вместо нее на лице застыл бесконечный ужас.

Чего она испугалась?

О, меня, не так ли? Меня, который сейчас весь в крови и похож на злого духа, - подумал Окита Содзи. Затем он мысленно извинился: Простите, госпожа Саяка, у меня не было возможности представиться, поэтому вам пришлось сначала увидеть мою самую уродливую сторону.

Примечание:

* - хвататься за уши и чесать щеки – обр.выражение - быть в замешательстве, не находить себе места от волнения.

Перевод: Флоренс

<http://tl.rulate.ru/book/35928/2415199>